

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. Смирнов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.8

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Предметом работы является школа русской экономической мысли, вопрос о существовании которой в современной отечественной литературе остается дискуссионным. Приводятся аргументы обеих сторон в этом споре, и делается вывод о возможности квалифицировать русскую экономическую мысль конца XIX — начала XX в. как самостоятельную мыслительную школу в широком смысле, объединяемую общностью не столько конкретно-научных методов, сколько единых творческих принципов. На основе междисциплинарного компаративистского подхода проводится сравнительный анализ ключевых методологических и мировоззренческих характеристик русской школы и взаимодействовавшей с ней исторической школы Германии. Из признаков русской экономической мысли выделяются два системообразующих — синкретизм и философская направленность, — которые вписывают ее в общекультурный контекст Серебряного века.

Ключевые слова: русская экономическая мысль, национальная школа, немецкая историческая школа, синкретизм, философия хозяйства, традиция.

Цитировать статью: Смирнов, И. П. (2021). К вопросу о существовании русской школы экономической мысли. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (3), 43–59. <https://doi.org/10.38050/01300105202133>.

I. P. Smirnov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B10, B20, N01

A QUESTION ABOUT THE EXISTENCE OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT

The article investigates Russian economic thought, the existence of which in modern domestic literature remains debatable. The author presents arguments of both sides in this dispute and argues that it is possible to view Russian economic thought of the late XIX — early

---

¹ Смирнов Игорь Павлович — сотрудник Лаборатории философии хозяйства, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: post123_2000@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5408-4164.

XX century as an independent thought school in broad sense unified not so much by common creative principles as by specific scientific methods. Drawing on interdisciplinary approach, the article presents a comparative analysis of methodological and worldview characteristics of Russian school and Germany historical school. Of the determinants of Russian economic thought the author identifies two systemic elements — syncretism and philosophical orientation that embed it in the overall cultural context of the Silver Age.

Keywords: Russian economic thought, national school, German historical school, syncretism, philosophy of economy, tradition.

To cite this document: Smirnov, I. P. (2021). A question about the existence of Russian economic thought. *Moscow University Economic Bulletin*, (3), 43–59. [https://doi.org/10.38050/10300105202133](https://doi.org/10.38050/10.38050/10300105202133).

Вопрос о существовании русской школы экономической мысли приобрел особенную остроту после потери марксизмом статуса господствующей и универсальной научной теории в нашей стране и остается дискуссионным до сегодняшнего дня — позицию по этому вопросу можно рассматривать как некоторый индикатор взглядов того или иного исследователя относительно историко-экономической и экономико-теоретической проблематики. Как представляется, отечественная экономическая наука пострадала сильнее, чем философская или историческая, которые носили менее отвлеченный характер и относительно безболезненно переключились на новую (или вновь обретенную) эмпирическую основу. Экономистам оказалось сложнее вступить в права теоретического наследства, оригинальные идеи и мировоззренческие послылы предшественников, в сущности, не были востребованы ни остающейся при своих доктринах политэкономией, ни быстро заполнившим образовавшиеся академические лакуны заимствованным извне экономикс. Это находится в противоречии с фактом, что русская экономическая, философско-хозяйственная мысль внесла значительный самостоятельный вклад в мировую и главным образом в реальное и адекватное постижение России.

Изучать русскую экономическую теорию, по моему мнению, следует именно в широком (междисциплинарном) контексте русской мысли, принимая во внимание ее философский и исторический компоненты. При обозначенном подходе отступают на второй план типичные для современного научного дискурса рассуждения о периферийном или догоняющем характере развития русской экономической мысли по отношению к западной. На первый план выходят задачи самопознания и сохранения преемственности, осмысления собственной интеллектуальной традиции и взаимосвязанных с ней имманентных, исторически обусловленных особенностей общественно-экономической практики. Национальная школа подразумевает не механическое объединение мыслителей по локальному признаку, а их сущностную принадлежность единой культуре, в частности русской. Любая национальная культура задает собственный контекст

и несет определенное объективное высказывание, в том числе и в области экономической мысли.

В исследовательской литературе уже давно принято акцентировать сходство между русской экономической мыслью и исторической школой в Германии. Нельзя отрицать, что русские ученые испытывали влияние исторической школы и в ряде аспектов опирались на ее научно-теоретическое наследие. А. И. Чупров популяризировал в отечественной литературе работы Ф. Листа, И. К. Бабста — В. Рошера. Прижившееся у нас определение «народное хозяйство», замещавшее в научном инструментарии «экономику», является дословным переводом с немецкого. Историческая школа была близка русской экономической мысли в принципиальном отношении: она противостояла классической политэкономии, трактуя ее как индивидуалистскую, утилитаристскую и детерминистскую. Совпала и критика абстрактного, изначально дедуктивного, спекулятивного уклона этого научного учения. Русские экономисты, как и представители немецкой исторической школы, придавали значение в первую очередь изучению реальности в ее фактических, сложившихся, исторически закрепившихся формах, что соответствовало как онтологической направленности русской мысли, так и свойственной ей общефилософской критике рационализма. Историческая школа рассматривала хозяйственную жизнь народов в контексте их культурной жизни (Б. Гильдебранд считал экономическую науку ядром теории культуры, схожим образом Г. Шмоллер понимал свою «историко-этическую национальную экономию» как науку о культуре), что тоже привлекало наших экономистов и отвечало их познавательным интенциям. Известные параллели можно провести между идеями А. И. Чупрова и Ф. Листа (обоих отличали энциклопедические познания и интерес к хозяйственной практике), С. Н. Булгакова и Б. Гильдебранда, М. И. Туган-Барановского и Г. Шмоллера.

Но имело место и обратное воздействие русской мысли на германских теоретиков. К поздним последователям и продолжателям исторической школы относят М. Вебера и В. Зомбарта, оба они не были чужды интереса к нашей стране и уделяли ей существенное внимание в своих работах. М. Вебер высказывался относительно особой роли России в истории. Он изучил русский язык и вел переписку с Б. А. Кистяковским, П. Б. Струве, В. В. Святловским, И. И. Кауфманом. Политике и экономике России периода революции 1905—1907 гг. в полном собрании сочинений Вебера посвящен отдельный том объемом 850 страниц (Weber, 1989). В. Зомбарту принадлежит часто цитируемое неординарное высказывание: «Оба народа обладают самым высоким, что осталось еще у современного человечества. Русская душа и немецкий дух, объединившись, заново перестроят мир» (цитир. по: Дволайцкий, 1924, с. 3). В 1914 г. ученый совершил поездку по России, выступив с лекциями в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и других городах империи. Исследователь-

ские результаты отражены им в работе «Мысли о России: Из русского блокнота» (Sombart, 2004).

Авторы, которые оспаривают наличие оригинальной школы экономической мысли, ссылаются на теоретическую общность с немецкой исторической школой как на весомый аргумент. Например, В. С. Автономов соглашается допустить не более чем «национальные традиции в стиле экономического теоретизирования» (Автономов, 2003, с. 120). Схожего мнения придерживается более сдержанный в остальном Л. Д. Широкоград: «Правильнее было бы ставить вопрос об особенностях экономической науки в России или об особенностях национального экономического мышления» (Широкоград, 2003, с. 54). Тем не менее не только эти особенности, которые трудно отрицать, но и самостоятельная национальная школа отечественной хозяйственной мысли, безусловно, существовали. При этом следует говорить о *мыслительной школе* в широком смысле, что подразумевает общность творческих принципов — а не конкретно-научных методов. Для ее изучения необходимо междисциплинарное рассмотрение экономических идей на пересечении и в синтезе с историческими, культурологическими и философскими. Различие между отдельными национальными традициями в сфере экономической мысли, равно как и в других, закономерно и неминуемо, оно продиктовано разной хозяйственной историей соответствующих государств. Взвешенная позиция, по моему мнению, выражена В. Т. Рязановым: формирование системы взглядов «с опорой на определенное уже существующее направление не ломает конструкцию той или иной национальной школы» (Рязанов, 2013, с. 359), этот статус не означает существование в полном отрыве от общемирового контекста. Другое дело, что сам этот контекст, на мой взгляд, представляет собой ансамбль национальных, каждый из которых уникален и неповторим.

Сторонников самостоятельной школы в сфере экономической мысли, признающих ее существование в нашей стране, объединяет следующий принципиальный подход: сходство по ряду позиций с исторической школой, сформировавшейся в Германии, не играло принципиальной роли для отечественной экономической теории. Путь ее развития пролегал не через заимствование и тиражирование чужих концепций, а через собственное оригинальное творчество и преломление самых разных идей сквозь призму собственного объекта изучения. При этом если наши мыслители и использовали постулаты немецких ученых, то реинтерпретировали их, ставя перед собой независимые познавательные цели. Они стремились к теоретическим заключениям, в первую очередь учитывающим социально-экономическую и историко-культурную специфику России. В этом смысле отечественной философско-хозяйственной традиции свойственен известный универсализм, который коррелировал с приоритетом теоретического синтеза в русской мысли в целом, что позволяло российским экономистам совмещать лучшее из достижений западной тео-

рии, независимо от их принадлежности к различным научным направлениям. Показателен пример А. И. Чупрова, который в «Курсе политической экономии», отдавая должное исторической школе, находил известную «правду» и в двух других ведущих течениях экономической мысли — классической политэкономии и марксизме. Немецкий специалист Й. Цвайнерт подчеркивал, что идея синтеза трех названных учений была характерна для большинства русских авторов; исключение, с его точки зрения, составлял только И. И. Янжул — «единственный российский экономист, которого можно причислить к «младшей» исторической школе» (Цвайнерт, 2008, с. 261).

Разброс мнений в суммарных оценках русской экономической мысли среди современных исследователей велик. Например, Ю. В. Яковец отмечает ее самостоятельность и актуальность, связанные, по его наблюдению, с альтернативным относительно западной интеллектуальной традиции значением: «Своеобразная трактовка предмета политической экономии как науки о народном хозяйстве, социально-экономический анализ, исторический подход и ряд других черт, существенно отличающих русских авторов от приверженцев маржинализма, а позже — экономикс, концепции которых возобладали в XX в., позволяют, на наш взгляд, рассматривать русскую экономическую мысль как возможную альтернативу экономикс» (Яковец, 2007, с. 254). Противоположной позиции придерживается М. Г. Покидченко, утверждая, что «идея самобытности рождается из комплекса неполноценности» (Покидченко, 2009, с. 372). Развитие экономической мысли России на рубеже XIX—XX вв. он рассматривает как «процесс перехода от аутсайдерства к лидерству» (Покидченко, 2009, с. 379—380), которые, по его мнению, адекватно отражают уровень развития или отсталости страны, что подразумевает наличие достоверной и общеприменимой шкалы. На логическое противоречие этой конструкции указал В. Т. Рязанов, заметивший, что в конце XIX в., когда «экономика России еще далеко отстояла от мирового лидерства» (Рязанов, 2013, с. 353), это не помешало отечественной теории хозяйства встать в один ряд с лидирующими, в то время как Советский Союз, к определенному времени превратившийся в одного из двух общепризнанных лидеров, тем не менее на поле экономической теории во всемирном масштабе ушел на второй план.

Объединение мыслителей с несовпадающими идеями и различными методами их реализации в единый формат общей национальной школы представляется вполне допустимым при известных условиях. Отечественных экономистов роднили интерес к народному хозяйству России и внимание к его актуальным потребностям, стремление определить стратегию развития российской экономики, установить возможность и границы использования зарубежного опыта, найти оптимальные способы взаимодействия с мировым рынком. По моему мнению, к факторам, обуславлива-

ющим принадлежность к русской школе экономической мысли, относится в первую очередь сходство мировоззренческих позиций и общность нравственных принципов, имевшие место, невзирая на отсутствие общей методологии в научном смысле. Носившие строгий научный характер соображения С. Н. Булгакова на начальном этапе его творчества, еще в качестве марксиста и политэконома, основывались главным образом на его этических представлениях. Спустя некоторое время он напишет: «Вся моя умственная эволюция и все мои искания руководились стремлением упрочить и обосновать идеалы, от которых я ни на йоту не отказывался. Причина моего перехода от марксизма к идеализму заключается в искании того фундамента, на котором можно было бы утвердить эти идеалы» (Булгаков, 1991, с. 6). Характерно, что немецкая историческая школа, напротив, подчеркнуто отходила от идеалов и ставила себе это в заслугу. В речи, произнесенной при вступлении на пост ректора Берлинского университета, Г. Шмоллер говорил о преодолении идеализма и эволюции его «национальной экономии» в сторону объективной «совершенной науки» (Schmoller, 1998, p. 187, 192–194).

Русскую экономическую и философско-хозяйственную мысль выделяет ряд типологических характеристик, которые не могут толковаться ни как выражение стадияльного отставания от западной мысли в целом, ни как апологетические относительно тех или иных отдельных направлений. Такого рода оценки не просто не исчерпывают природы и сущности явления, но неверно их представляют. Именно эти доводы позволяли признать наличие собственной мыслительной школы, в частности, Л. И. Абалкину (Абалкин, 2003, с. 15–16), инициатору дискуссии по данной проблеме. Он полагал, что процесс развития глобализации стал причиной принципиального отказа от выделения национальных научных школ. «Однако для такого подхода, — отмечал Л. И. Абалкин, — нет серьезных оснований» (Абалкин, 2003, с. 7). На мой взгляд, в большей степени, чем известные параллели с немецкой исторической школой, экономическую мысль России отличают две основополагающие черты — синкретизм и философская направленность. Ими задается ее международный профиль и обуславливается теоретическая значимость.

Одной из системообразующих идеологем в русской мыслительной традиции был синтез различных познавательных возможностей человека, их соединение в единое целое. В. В. Зеньковский утверждал, что заблуждение, приписывающее русским мыслителям эклектизм, обусловлено непониманием их синкретических намерений. Для западной традиции, напротив, характерно преобладание анализа. Фактическим завершением исторической школы стал получивший большую известность «спор о методах» — теоретическая дискуссия между Г. Шмоллером и его оппонентом маржиналистом К. Менгером. Косвенным результатом их спора историки называют возникновение теории «экономического анализа» Й. Шумпе-

тера, ученика ведущего представителя маржинализма О. Бем-Баверка. Тем самым возобладала сциентистская тенденция, не проявлявшая интереса к особенностям отдельных государств, делавшая упор на построении моделей и основанная на «методологическом индивидуализме», как характеризовал свой подход Й. Шумпетер.

В нашей традиции, напротив того, превалировал синтез. Один из самых значительных отечественных экономистов М. И. Туган-Барановский, принимая формулировку задачи экономической науки как изучения субъективных сторон складывания спроса и предложения, выдвинул и аргументировал синтез теории предельной полезности и трудовой теории стоимости. Различие между ними ученый видел только в подходах к процессу ценообразования с разных сторон — субъективной и объективной. Важный элемент концепции предельной полезности — общее количество запаса товара — регулируется, по Туган-Барановскому, издержками производства. Западная экономическая мысль пришла к подобному пониманию в том же 1890 г., одновременно и независимо от русского экономиста, когда появилась книга Альфреда Маршалла «Принципы экономической науки», что в мировой теории ценообразования получило наименование «маршаллианской революции». Отстаиваемое К. Марксом соответствие стоимости товара его трудовой ценности Туган-Барановский считал лишь тенденцией, а их совпадение — тем желаемым пределом, к которому должно стремиться народное хозяйство, но которого оно не может достигнуть. Показательно, что работы русских экономистов математического направления (Е. Е. Слуцкого, В. К. Дмитриева) были нацелены на решение той же синтетической задачи.

Впрочем, прямое заимствование русскими учеными постулатов немецкой мысли в любых гуманитарных и общественно-научных сферах, в сущности, было невозможно в силу критичного отношения к западной мыслительной традиции, продиктованного культурными и мировоззренческими особенностями, что концептуально оформилось уже у А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и других славянофилов. В целом интеллектуальные связи с германской традицией были весьма крепки (Смирнов, 2009, с. 147–185). Вместе с тем общая позиция по отношению к ней сохраняла негативную окраску, радикальным образом это отразил В. Ф. Эрн в статье «От Канта к Круппу». Он выделил главные принципы западной мысли, неприемлемые с точки зрения русской традиции: «1) никакой ноумен, т.е. ничто онтологическое, не может встретиться в нашем внешнем опыте, и 2) ничто ноуменальное, т.е. относящееся к миру истинно Сущего, не может быть дано и реализовано в нашем внутреннем опыте» (Эрн, 1991, с. 309). Иные принципы познания атрибутировали русскую мысль. По определению С. Л. Франка, «русское философское мышление в своей типично-национальной форме никогда не было «чистым познанием», бесстрастным теоретическим пониманием мира... Ему свойственно орга-

ническое влечение к объективности, к онтологическо-метафизическому пониманию жизни» (Франк, 1996, с. 152). Исходя из обозначенного понимания решительно отвергался «номиналистический картезианско-кантианский интеллектуализм» Запада, что означало возможность самостоятельной траектории развития экономической теории, в том числе и при рецепции некоторых западных концепций или их элементов.

Общее для русских экономистов стремление к философской целостности описывает М. А. Румянцев: «Субъект развития выступает как «все-единство своих качественностей» (Л. П. Карсавин) — экономики, политики, религии, этики и права, которые, теряя статус самодостаточных сфер бытия, оказываются свойствами, присущими одному и тому же субъекту» (Румянцев, 2005, с. 53). Автор предлагает и объяснение этого феномена: «Здесь сокрыто, пожалуй, неустранимое расхождение отечественной традиции с исследовательским кредо европейской экономической науки. В последней доминирует абстрактный принцип построения системы категорий: конкретное разлагается на более элементарные, абстрактные понятия, из которых затем создается логически стройный категориальный ряд» (Румянцев, 2005, с. 60).

В конце XIX и особенно в начале XX в. типичной темой размышлений европейских авторов стал фиксируемый ими кризис человека, приведший к крушению традиционной культуры и наступлению массового общества. Пересечение соответствующих идей русских и западноевропейских мыслителей подтверждает, что русская мысль может быть рассмотрена как содержательное, в существенных аспектах альтернативное дополнение к европейской, они составляют единую культурную и интеллектуальную среду. Важные итоги кризисного развития подведены, в частности, известной книгой Г. Зиммеля «Конфликт современной культуры», изданной в 1918 г.¹ Причем между взглядами немецкого мыслителя, одного из признанных классиков в названной проблематике, и представлениями исторической школы можно установить ряд подобий и совпадений. Объяснение, которое предложила русская мысль в ответ на соображения о кризисе, сводится к общему системному доводу, каким было выявленное и проанализированное в отечественной философии хозяйства явление экономизма. Получившая довлеющее господство над человеком, определяющая его действия и помыслы экономика сравнивалась с Инквизитором из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Словно в конце времен, она искушает и испытывает человека. Разные варианты теории экономического детерминизма предлагают человеку избавление от невыносимого бремени, каким становится для него свобода. В этом русская мысль видела коренной перелом, совершающийся в хозяйстве и вообще

---

¹ Одновременно в том же 1918 г. в России выходит схожая по мысли работа Н. А. Бердяева «Кризис искусства».

в истории. Экзистенциальный и в то же время эсхатологический мотив звучит в словах И. Х. Озерова, автора популярного учебника «Основы финансовой науки»: «Мы каторжники жизни и должны тащить свою тачку, к которой мы прикованы, должны выполнить свой урок, иначе бич ударит, больно ударит по нашему сердцу, и заструится оно красной кровью, и этот бич — мысль: что такое жизнь?.. Этим бичом неведомый подгоняет нас, приказывает нам работать» (Озеров, 1904, с. 61). Н. А. Бердяев считал, что достижения науки и техники, ранее воздействовавшие главным образом на природу, теперь в качестве своего объекта перешли на человека, и это обусловило в глазах мыслителя «эволюцию от органического типа к механическому» и «переход к искусственному, машинному складу жизни» (Бердяев, 1990, с. 116–120). Появление «нового антропологического типа» фиксировал также Г. П. Федотов, охарактеризовавший его как *homo europaeo-americanus* (Федотов, 1992, с. 166).

Русская экономическая мысль внесла значительный вклад в понимание корней и сущности отмеченного историко-культурного и цивилизационного кризиса. И хотя более поздняя западная экономическая теория, со своей стороны, предложила собственную критику экономизма (см., например: Ульрих, 2004), первичны и фундаментальны именно разработки русских экономистов. Их идеи строились на неприятии тех учений и концепций, которые занимали основополагающее положение в экономической мысли Запада: формальный рационализм, теория линейного детерминированного прогресса, конструкция *homo oeconomicus*, перевес рациональных экономических установок над ценностными, гедонизм, утилитаризм, индивидуализм. Представители русской традиции иначе смотрели на экономику, как и на человека в целом. На первом плане здесь, разумеется, труды С. Н. Булгакова. Принципиальное отличие двух картин мира описывается в его работе, посвященной сопоставлению платонизма и первохристианства (Булгаков, 1916, с. 43–52). Мыслитель отказывался придавать отдельный автономный смысл хозяйственной практике, оторванный от управляющих хозяйством высших, духовных мотивов. Нарушение этой связи он и называл экономизмом. Противостояние господствующего в современном мире экономизма и принципа аскезы, необходимой для духовного развития человека, лежит, по оценке Булгакова, в основе антитезы совпадающих в этом пункте платонизма и христианства с умонастроением, которое он охарактеризовал как «новоевропейизм». Его истоком он считал идеологию гуманизма, в развитии которой мыслитель находил коренное противоречие: гуманизм декларировал возвращение к идеалам классической древности, тесно связанным с платонизмом, однако выхолащивал самое важное в теоретическом наследии Платона. В то время как платонизм и христианство объединяет «аскетическая антропология», европейский гуманизм проникнут ее отрицанием, его мораль исходит из полной «законности экономических

инстинктов». В новоевропейской модели homo oeconomicus Булгаков констатировал «поклонение идолу экономики», а в экономизме — «нездоровое мировосприятие, самосознание, стремящееся изъять из жизни духовное начало (над-природное и природное), абстрагироваться от него» (Булгаков, 1912. с. 7).

Экономическая мысль в нашей стране несет на себе черты и в полной мере разделяет теоретические параметры, объединяющие национальную мыслительную традицию в целом — включая приоритет синтеза над анализом, онтологизм, как и общее философское, мировоззренческое звучание. Поэтому она зачастую расценивалась наблюдателями как философская. К наиболее сильным и оригинальным русским экономистам применима наравне с философами или писателями характеристика «мыслители». И. Н. Сиземская приходит к выводу, что в отечественной традиции «экономическая теория самоопределялась в том числе как философия экономики, уходящая своими основаниями в философскую антропологию» (Сиземская, 2013, с. 33). В совокупности с философскими, историческими, художественными, экономические идеи и концепции составили Серебряный век русской культуры.

Отличительной чертой русской экономической мысли было внимание к субъективной стороне хозяйственной жизни — ее психологическим, культурологическим, религиозным аспектам, что результировалось в носящем принципиальный характер интересе к человеческой личности в процессе хозяйства. Это соответствовало общему настрою русской мысли, одной из черт которой Н. О. Лосский назвал «утверждение абсолютной ценности конкретного, индивидуального бытия, именно личности» (Лосский, 1991, с. 129). Изучение экономики было в русской традиции невозможно без познания личности, трудовой этики вкупе с ее историческими предпосылками, экономического сознания той или иной эпохи. Указанную особенность по-своему, осторожно, признавала и советская историко-экономическая наука: в третьем томе незавершенного обзорного труда под редакцией А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова, при акцентировании в первую очередь «классовых» позиций изучаемых авторов, все же разбираются «этическая, психологическая и религиозно-мистическая» школы (История русской экономической мысли, с. 156–162).

Русскую школу экономической мысли отличали целостность, комплексный подход к разнохарактерным экономическим явлениям. Системно, не исключая проблем мировоззрения, рассматривались особенности отечественного предпринимательства, кустарные промыслы, крестьянское хозяйство, индустриализация и развитие техники, кооперация, проблемы кризисов и циклов, общероссийского рынка и т.д. Такой прагматичный экономист-прикладник, как И. К. Бабст, считал, что рост промышленности и торговли может быть целью развития только при условии «здорового» состояния всех других отраслей народного хозяйства,

развития земледельческого и ремесленного сословий. В работе «Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства» (1859), намечая программу экономических улучшений — устройство кредитных учреждений, привлечение иностранных капиталов, строительство железных дорог, — он подчеркивал исключительную важность образования народа для роста его благосостояния и хозяйственной жизни страны в целом.

Хрестоматийным образцом целостного подхода служит Д. И. Менделеев. Высшей целью экономики он считал процветание народа от демографической составляющей до нравственной. Системный характер носят все экономические идеи и конкретные народно-хозяйственные рекомендации Менделеева. Он разработал основы теории оптимального размещения производительных сил: в частности, ученый предлагал размещение перерабатывающих мощностей в местах добычи и центрах потребления нефти, включая безвредную для природы утилизацию промышленных отходов. Настаивая на необходимости собственной нефтепереработки, Менделеев имел в виду проблему хозяйственной самостоятельности страны, предвидя опасность внешнеторгового дисбаланса и превращения России в сырьевой придаток западных держав.

С. Н. Булгаков, трактуя экономическую теорию как «прикладную этику», отводил человеческой личности роль ведущего производственного фактора. Этот подход обусловил историко-экономический анализ Булгаковым труда в крестьянских и монастырских, раннехристианских и кальвинистских общинах. Содержание его лекций в Московском Коммерческом институте — проблема обладания имуществом и души, богатство праведное и неправедное, что о материальном благе проповедует Евангелие (Булгаков, 1907; Булгаков, 1909). М. И. Туган-Барановский тоже видел в состоянии личности и той позиции, которую она занимает в обществе, главную характеристику этого общества. Основной нравственный антагонизм современности, на его взгляд, «заключается в том, что капитализм делает из работающего человека простое хозяйственное средство и в то же время ведет к распространению правовых воззрений, признающих всякую человеческую личность без различия высочайшей целью в себе» (Туган-Барановский, 1918, с. 194).

При таком отношении к хозяйственной роли личности вполне объяснимо, что свой вклад в русскую экономическую мысль вносили представители других областей знания, в частности, литераторы. Любопытен публицистический опыт, получивший в литературе название «лирическое хозяйство А. А. Фета». В 1862—1871 гг. он выпустил два цикла журнальных очерков — «Заметки о вольнонаемном труде» и «Из деревни», — основанных на его практическом опыте землевладельца на хуторе Степановке Мценского уезда и представлявших собой оригинальный сплав воспоминаний, наблюдений и рассуждений по поводу текущих хозяйственных проблем с философскими размышлениями о характере русского

народа. Очерки Фета получили высокую оценку Л. Н. Толстого, проявлявшего интерес к его деятельности «на земле». В частности, поэт был одним из первооткрывателей темы культурной «несовместимости» русского крестьянина того времени с машиной, ставшей главной причиной провала в использовании машин в сельском хозяйстве 1860-х гг., он рассуждал о значении «народной почвы» и эффективности только постепенных и ненасильственных культурных изменений в ней. Говоря об экономических отношениях в аграрной отрасли, А. А. Фет акцентировал их психологические аспекты.

Обозначенная целостность была вполне закономерной в рамках русской мыслительной традиции, разработавшей теоретические концепции всеединства и соборности. Целостным подходом определялось отношение русских мыслителей к труду, которое проявилось в анализе негативных последствий исключительно экономической прагматизации и обезличивания труда в индустриальном производстве: на эту тему рассуждали Д. И. Менделеев в «Заветных мыслях», Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома», Н. А. Бердяев в работе «Человек и машина» и т.д. Вниманием к экономической специфике России, к исторически сложившимся в ней формам хозяйства, поиском приемлемого для страны пути развития было продиктовано то значение, которое традиционно придавалось внеэкономическим факторам: общенародным интересам, национальному сознанию, активной хозяйственной роли государства, проблеме социальной справедливости, общественному сектору народного хозяйства. Такова же природа идеи о смешанной экономике и многообразии хозяйственного устройства. В этой сфере русской мысли свойственен более внимательный и дифференцированный подход, чем в западноевропейской экономической теории, обусловленный особенностями экономической истории страны. По мнению автора «морфологии хозяйства» Д. Н. Платонова, «эволюция конкретных хозяйственных систем проявляется в существовании максимального количества модификаций доминирующих хозяйственных форм», их богатство и разнообразие в России автор оценивает выше, чем в экономиках Запада и Востока (Платонов, 2004, с. 95).

Не совпадало со сложившимся в Европе и отношение к проблеме частной собственности. Российское хозяйство традиционно основывалось на государственной и общинной формах собственности. С известным нигилизмом по отношению к частнособственнической идеологии связана принятая в русской мысли трактовка предпринимательства. Я имею в виду не только пережившую за последние два десятилетия расцвет в исторической литературе тему благотворительности и меценатства русских предпринимателей, действительно превосходивших по масштабам аналогичные явления на Западе. Развитие предпринимательства в России непосредственно увязывалось мыслителями с исторически сложившимся характером

народа. Связь эту невозможно отрицать: предпринимательства вообще, оторванного от конкретной национальной традиции и почвы, не существует — таков постулат, утвердившийся в русской мысли усилиями славянофилов, особенно А. И. Кошелева, изучавшего хозяйственные устои России. И в дальнейшем история русской экономической мысли содержит «попытки связать славянофильское учение с данными экономической науки», как определил суть своей работы, в частности, С. Ф. Шарапов (Шарапов, 1898, с. III).

Как полагал М. И. Туган-Барановский, свободное предпринимательство способно, постоянно побуждая людей к обновлению и совершенствованию, привести как к резкому прогрессу благосостояния, так и к духовному росту всех членов общества, в том числе «трудящихся» (т.е. не предпринимательских) классов. С. Н. Булгаков стремился реабилитировать слой предпринимателей, выступая против такого понимания, при котором они превращались всего лишь в «заводные куклы, дергающиеся за ниточку материальных интересов» (Булгаков, 1912, с. 285–286). Булгаков рассматривал предпринимательство как свойственное людям «творчество своего подобия в чем-то ином», в котором личность созидает «продолжение себя в инобытии». Вся жизнедеятельность человека в ее цельности была в глазах Булгакова «непрерывным хозяйственным усилием», поэтому в отдельном предприятии неизбежно отображается создавшая его человеческая личность. Д. И. Менделеев, говоря о задачах социально-экономического развития России, тоже концентрировал внимание на пробуждении общественного интереса к промышленному предпринимательству (Менделеев, 1950, с. 29).

Мировоззренческие и методологические параметры русской мысли отразились в таком неоднозначном и во многом оппозиционном относительно ее основного идейного русла направлении, как народничество. Опираясь в философском отношении на позитивизм и его утилитарные социологические схемы, в области экономической теории народники имплицитно воспроизводили свойственный отечественной традиции интерес к хозяйствующей личности и месту, занимаемому ею в экономической системе. Надо отметить, что в нашей интеллектуальной традиции было распространено расширенное понимание идей народничества. В нем видели не только определенную общественно-публицистическую группу, но и воплощение известной религиозности, обозначаемой как вера в народ. К примеру, Н. А. Бердяев усмотрел народников в славянофилах, Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом. В области же экономической мысли это направление ознаменовалось не столько ярко преподносимым советской историографией спором В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, С. Н. Южакова и др. с марксизмом, сколько занимающими огромный объем исследованиями роли артели, а говоря словами самих авторов, «артельности русского народа» (Смирнов, 1996).

Заключение

Итак, экономическая теория является одной из форм воплощения национальной мыслительной традиции. Русскую школу отличает ряд типологических особенностей, которые не являются ни стадийным отставанием от европейских аналогов, ни апологетическими относительно определенных западных направлений. Ее выделяют две характерные черты — синкретизм и философская направленность, которые преодолевали различия в индивидуальных научных методологиях. Русские экономисты обращали внимание на мировоззренческие основания хозяйства и опирались на познание хозяйственной реальности в ее конкретных исторических формах. Они поставили проблему человеческого сознания как созидательного начала и обосновали концепцию хозяйства, в рамках которой главное внимание уделялось состоянию личности и господствующему умунастроению, диктующему хозяйственную этику соответственной исторической эпохи. В сравнении с иными мыслительными традициями русская экономическая мысль отличалась выраженными мирообъясняющими интенциями.

Широкий методологический охват и неутилитаристский подход к экономической теории составляют важный параметр «восточнохристианского социально-экономического проекта» (Некlessа, 1999). Для развития страны, включая экономическое, понимание культурных особенностей в виде традиции и обусловленных ею моделей поведения людей имеет ключевое значение. Освоение традиции, обращение к национальному сознанию и национальной мысли, становятся предпосылкой самосохранения России как исторического субъекта в мире, постепенно сознающем тупиковость «однополярного» пути, предполагающего в числе прочего и унификацию экономического знания. Смена акцентов представляется здесь необходимой, в свою очередь, представление о русской школе экономической мысли служит ее существенным элементом и фактором.

Список литературы

- Абалкин, Л. И. (2003). В поисках самоопределения российской школы экономической мысли. *Очерки истории российской экономической мысли*, 5–21.
- Автономов, В. С. (2003). История экономической мысли и экономического анализа: место России. *Очерки истории российской экономической мысли*, 42–48.
- Бердяев, Н. А. (1990). *Смысл истории*.
- Булгаков, С. Н. (1907). *История политической экономии. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907 г.*
- Булгаков, С. Н. (1909). *История социальных учений в XIX в. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908–1909 гг.*
- Булгаков, С. Н. (1916). Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. Понимание в христианстве вопроса о собственности. *История экономической мысли / Под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова*. Т. 1, 43–52.
- Булгаков, С. Н. (1912). *Философия хозяйства*.

- Булгаков, С. Н. (1991). *Христианский социализм*.
- Дволайцкий, Ш. М. (1924). От редактора серии. *Зомбарт В. Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века*.
- История русской экономической мысли / под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова*. (1966). Т. 3.
- Лосский, Н. О. (1991). Идея конкретности в русской философии. *Вопросы философии*, 2.
- Менделеев, Д. И. (1950). Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. *Менделеев Д. И. Собр. соч.* Т. XIX.
- Некlessа, А. И. (1999). Российский проект. *Философия хозяйства*, 4.
- Озеров, И. Х. (1904). *Исповедь человека на рубеже XX века*.
- Платонов, Д. Н. (2004). Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России. *Историко-экономический альманах*.
- Покидченко, М. Г. (2009). Особенности национальной экономической мысли России. *История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова*. Вып. 5. С. 370–386.
- Румянцев, М. А. (2005). *Религиозные основания хозяйствования*.
- Рязанов, В. Т. (2013). Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное. *История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова*. Вып. 6. С. 333–362.
- Сиземская, И. Н. (2013). Синкретизм как системообразующая парадигма русской мысли. *История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова*. Вып. 6. С. 32–47.
- Смирнов, И. П. (1996). Идея об артельности русского народа в своем историческом развитии. *Из истории экономической мысли и народного хозяйства России*. С. 178–200.
- Смирнов, И. П. (2009). Эхо немецкого романтизма в русской мысли XIX — первой половины XX в. *История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова*. Вып. 5. С. 147–185.
- Туган-Барановский, М. И. (1918). *Теоретические основы марксизма*. 4-е изд.
- Ульрих, П. (2004). *Критика экономизма*.
- Федотов, Г. П. (1992). *Судьба и грехи России*. Т. 2.
- Франк, С. Л. (1996). *Русское мировоззрение*.
- Цвайнерт, Й. (2008). *История экономической мысли в России. 1805–1905*.
- Шарапов, С. Ф. (1898). *Бумажный рубль. Его теория и практика*.
- Широкоград, Л. Д. (2003). Существует ли российская школа экономической мысли? *Очерки истории российской экономической мысли*.
- Эрн, В. Ф. (1991). *Сочинения*.
- Яковец, Ю. В. (2007). Школа русского циклизма. *История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова*. Вып. 4. С. 254–270.
- Schmoller, G. (1998). Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats- und Sozialwissenschaften und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre (Rede bei Antritt des Rektorats, gehalten in der Aula der Königlichen Friedrich-Wilhelm Universität am 15. Oktober 1897). *H. H. Nau (Hrsg). Gustav Schmoller. Historisch-ethische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*.
- Sombart, W. (2004). Gedanken in Russland: Aus meinem russischen Skizzenbuch. *Zweynert, J., Riniker, D. (Hrsg). Werner Sombart in Russland: Ein vergessenes Kapitel seiner Lebens- und Wirkungsgeschichte*. S. 101–114.

Weber, M. (1989). Zur russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912. *Max Weber Gesamtausgabe*. Abteilung 1. Bd. 10.

References

- Abalkin, L. I. (2003). In search of self-determination of the Russian school of economic thought. *Očerki istorii rossijskoj jekonomičeskoj mysli*. P. 5–21.
- Avtonomov, V. S. (2003). History of Economic Thought and Economic Analysis: the Place of Russia. *Očerki istorii rossijskoj jekonomičeskoj mysli*. P. 42–48.
- Berdjaev, N. A. (1990). *The meaning of the History*.
- Bulgakov, S. N. (1991). *Christian socialism*.
- Bulgakov, S. N. (1907). *History of Political Economy. Lectures given at the Moscow Commercial Institute in 1907*.
- Bulgakov, S. N. (1909). *History of social teachings in the XIX century. Lectures given at the Moscow Commercial Institute in 1908–1909*.
- Bulgakov, S. N. (1912). *Philosophy of economy*.
- Bulgakov, S. N. (1916). The main motives of the philosophy of economy in Platonism and Early Christianity. Understanding the question of property in Christianity. *Istorija jekonomičeskoj mysli*. Edited by V. Ja. Zheleznova i A. A. Manujlova. Vol. 1. P. 43–52.
- Dvolajckij, Sh. M. (1924). From the editor of the series. *Zombart V. Narodnoe hozjajstvo Germanii v XIX i v nachale XX veka*.
- Ern, V. F. (1991). *Essays*.
- Fedotov, G. P. (1992). *Fate and sins of Russia*. Vol. 2.
- Frank, S. L. (1996). *Russian worldview. History of Russian Economic Thought*. (1996). Edited by A. I. Pashkova i N. A. Cagolova. Vol. 3.
- Jakovec, Ju. V. (2007). School of Russian Cyclism. *Istorija mysli. Russkaja myslitel'naja tradicija*. Edited by I. P. Smirnov. Vol. 4. P. 254–270.
- Losskij, N. O. (1991). The idea of concreteness in Russian philosophy. *Voprosy filosofii*, 2.
- Mendelev, D. I. (1950). Explanatory tariff or a study on the development of the Russian industry in connection with its general customs tariff of 1891. *Mendelev D. I. Sobr. soch. T. XIX*.
- Neklessa, A. I. (1999). The Russian project. *Filosofija hozjajstva*, 4.
- Ozerov, I. H. (1904). *Confessions of a man at the turn of the twentieth century*.
- Platonov, D. N. (2004). Historical originality of the Eurasian economic systems and features of the economic evolution of Russia. *Istoriko-jekonomičeskij al'manah*.
- Pokidchenko, M. G. (2009). Peculiarities of the national economic thought in Russia. *Istorija mysli. Russkaja myslitel'naja tradicija*. Edited by I. P. Smirnov. Vol. 5. P. 370–386.
- Rjazanov, V. T. (2013). Russian School of Economic Thought: universal-universal and national-special. *Istorija mysli. Russkaja myslitel'naja tradicija*. Edited by I. P. Smirnov. Vol. 6. P. 333–362.
- Rumjancev, M. A. (2005). *Religious foundations of economic management*.
- Sharapov, S. F. (1898). *Paper ruble. His theory and practice*.
- Shirokorad, L. D. (2003). Is there a Russian school of economic thought? *Očerki istorii rossijskoj jekonomičeskoj mysli*.
- Sizemskaja, I. N. (2013). Syncretism as a system-forming paradigm of Russian thought. *Istorija mysli. Russkaja myslitel'naja tradicija*. Edited by I. P. Smirnov. Vol. 6. P. 32–47.

Smirnov, I. P. (2009). Echo of German Romanticism in Russian Thought of the XIX-first half of the XX century. *Istorija mysli. Russkaja myslitel'naja tradicija*. Edited by I. P. Smirnov. Vol. 5. P. 147–185.

Smirnov, I. P. (1996). The idea of the Artel of the Russian people in its Historical Development. *Iz istorii jekonomicheskoy mysli i narodnogo hozjajstva Rossii*. P. 178–200.

Tugan-Baranovskij, M. I. (1918). *Theoretical foundations of Marxism*. 4th ed.

Ulrih, P. (2004). *Criticism of Economism*.

Zweynert, J. (2008). *History of Economic Thought in Russia. 1805–1905*.